Брессон Ален (Bresson Alain)
PhD
профессор, кафедра классической филологии,
Чикагский университет (США)
1010 East 59th Street Chicago, IL 60637 (USA)
Tel.: 773-702-8514
E-mail: abresson@uchicago.edu

Говорит империя: Афинская архэ в V в. до н. э.

Аннотация. Афинская архэ была не только империей трирем и сов — это была также империя слов. Помимо реальных форм господства, афиняне разработали дискурс, который способствовал тому, что их город стал мировым центром того времени. Если доверять свидетельствам Фукидида, политические лидеры Афин представляли свой полис в качестве образца соразмерности и умеренности, тем самым утверждая его моральное превосходство над остальным греческим миром. Кроме того, целый ряд драматургов, от Эсхила до Еврипида, связывает с Афинами решение правовых, религиозных или политических проблем, с которыми сталкиваются герои греческой мифологии. Универсализирующие стремления этого дискурса на самом деле носили перформативный характер. Нравственное превосходство афинян оправдывает их претензии на первенство в политической жизни. Успех этого перформативного дискурса можно проследить еще и в речи Антифонта Афинского «Об убийстве Герода», в которой уроженец Митилены Евксифей восхваляет перед афинским судом афинские законы, что перекликается с панегириком Ареопагу в «Эвменидах» Эсхила. Подсудимый, по-видимому, прекрасно усвоил превосходство афинского суда или, вернее, считал, что подобная похвала отвечала его интересам.

Ключевые слова: Афинская архэ, Ареопаг, Эсхил, Еврипид, Аристофан, Фукидид, Антифонт Афинский, Старый Олигарх, суды, законы

Аттическая литература V в. до н. э., т. е. классическая литература par excellence, стала предметом бесчисленных исследований и разысканий. Долгое время считалось, что эта литература отражает условия жизни людей независимо от исторических обстоятельств. Такова была доминирующая точка зрения многих авторов и критиков XIX и первой половины XX в. Во второй половине XX в. внимание переключилось на анализ этой литерату-

© А. БРЕССОН (A. BRESSON)
© Е. В. ИЛЮШЕЧКИНА, пер. с англ.

ры как соответствующей парадигме греческого города-государства. Ученые-структуралисты, как и круг ученых так называемой Парижской школы (École de Paris) превосходно исследовали дискурс греческих авторов, в особенности аттических авторов V в. до н. э., в качестве языка греческого полиса. Одновременно значительное количество исследований в рамках различных концепций было посвящено этой литературе с социально-политической, религиозной и — с некоторых пор — гендерной точек зрения. Однако лишь недавно особое внимание обратили не только на общий контекст аттической литературы V в. до н. э., но и на специфику исторического развития Афинской архэ в V в. до н. э. Нельзя сказать, что свидетельства относительно Афинской архэ оставались неисследованными. Напротив, и это хорошо известно, эта литература долгое время была не только основным источником для изучения развития, расцвета и заката Афинской архэ, но по существу единственным такого рода источником. Даже сегодня, когда в научный оборот включены надписи, монеты и археологические данные, эта литература, без сомнения, остается важнейшим источником для исследователей античной истории этого периода. Что до последнего времени, оставалась менее исследованной аттическая литература в качестве основы для архэ[1].

Конечно, мощь archē афинян основывалась на их флоте, на демографической динамике, на влиятельных институтах и их возможности развивать новые способы управления империей, как было показано в блестящей работе Рассела Меггза «Афинская империя» [Meiggs 1972]. Однако это была не только империя трирем и сов; это была еще и империя слов. Помимо самого вопроса об империи, афиняне разработали дискурс, благодаря которому их город превратился в мировой центр того времени. Именно формы, значение и перформативный аспект этого общего дискурса афинян мне и хотелось бы рассмотреть в этой статье.

В 478/477 гг. до н. э., после второго этапа греко-персидских войн, афиняне создали империю в Эгейском море. Фукидид прекрасно описывает логику, которая привела от союзничества к господству афинян. Поначалу афиняне созывали своих союзников и обсуждали с ними решения, которые надо было принять совместно. Как передает Фукидид,

> ἡγούμενοι δὲ αὐτονόμων τὸ πρῶτον τῶν ξυμμάχων καὶ ἀπὸ κοινῶν ξυνόδων βουλευόντων
>
> [Афиняне] стояли во главе сперва еще независимых союзников с правом голоса на общесоюзных собраниях (Thuc. I 97)[2].

Об этом сообщает и Диодор:

> εὐθὺς οὖν ὁ μὲν Ἀριστείδης συνεβούλευε τοῖς συμμάχοις ἅπασι κοινὴν ἄγουσι σύνοδον ἀποδεῖξαι τὴν Δῆλον κοινὸν ταμιεῖον, καὶ τὰ χρήματα πάντα τὰ συναγόμενα εἰς ταύτην κατατίθεσθαι, πρὸς δὲ τὸν ἀπὸ τῶν

[1] Заметным исключением является работа [Tzanetou 2012], о которой речь пойдет ниже.

[2] Русские переводы пассажей Фукидида приводятся по изданию [Фукидид 1981]. — *Прим. переводчика*.

> Περσῶν ὑποπτευόμενον πόλεμον τάξαι φόρον ταῖς πόλεσι πάσαις κατὰ δύναμιν
>
> Тогда сразу Аристид посоветовал всем союзникам во время всеобщего собрания превратить Делос в общую казну и поместить туда все собранные сообща деньги и в ожидании войны с персами собрать налог со всех городов (Diod. XI 47, 1).

Однако вскоре, вероятно не позже 454 г. до н. э. — т. е. даты, когда они перевезли союзную казну на Делос, афиняне стали принимать все решения самостоятельно. Теперь союзники должны были подчиняться главе. Любые попытки покинуть союз строго карались. То, что Афины стремились установить господство над всем греческим миром, прямо высказано коринфянами в 432 г. до н. э. на собрании, где пелопоннесцы обсуждали вопрос, стоит ли им объявить войну Афинам:

> καὶ τὴν καθεστηκυῖαν ἐν τῇ Ἑλλάδι πόλιν τύραννον ἡγησάμενοι ἐπὶ πᾶσιν ὁμοίως καθεστάναι, ὥστε τῶν μὲν ἤδη ἄρχειν, τῶν δὲ διανοεῖσθαι ‹…› τοιαῦτα μὲν οἱ Κορίνθιοι εἶπον
>
> Нет сомнения, что этот полис [Афины], ставший тираном Эллады, одинаково угрожает всем: одни города уже в его власти, а под другими он замышляет установить свое господство (Thuc. I 124, 3).

Логика афинского доминирования в то время свободно излагалась и обсуждалась в Афинах, что отлично засвидетельствовано не только Фукидидом, но и в датированном 420 г. до н. э сочинении «Афинская полития» анонимного автора, известного под именем Псевдо-Ксенофонта, или Старого Олигарха.

Речь афинских послов перед спартанским собранием в 432 г. до н. э. в изложении Фукидида показывает, как сами афиняне хотели определить свою империю. Поначалу послы допускали, что баланс силы в пользу Афин дает афинянам право управлять империей, что также весьма выгодно и им самим. И в самом деле, в природе вещей, когда сильные управляют слабыми. Однако афиняне тут же определили их господство как «умеренное»:

> ἄλλους γ’ ἂν οὖν οἰόμεθα τὰ ἡμέτερα λαβόντας δεῖξαι ἂν μάλιστα εἴ τι μετριάζομεν· ἡμῖν δὲ καὶ ἐκ τοῦ ἐπιεικοῦς ἀδοξία τὸ πλέον ἢ ἔπαινος οὐκ εἰκότως περιέστη
>
> Другие, будучи на нашем месте (так нам, по крайней мере, кажется), скорее всего показали бы, сколь умеренно наше господство. Нам же за нашу умеренность выпало на долю вместо похвалы незаслуженное бесславие (Thuc. I 76, 4).

Глагол μετριάζω ‘быть умеренным’ — ключевое слово в их аргументации. И потом афинские послы опять определяют афинян как μέτριοι (умеренные) по отношению к своим союзникам:

> καὶ ἐλασσούμενοι γὰρ ἐν ταῖς ξυμβολαίαις πρὸς τοὺς ξυμμάχους δίκαις καὶ παρ’ ἡμῖν αὐτοῖς ἐν τοῖς ὁμοίοις νόμοις ποιήσαντες τὰς κρίσεις

> φιλοδικεῖν δοκοῦμεν. καὶ οὐδεὶς σκοπεῖ αὐτῶν τοῖς καὶ ἄλλοθί που ἀρχὴν ἔχουσι καὶ ἧσσον ἡμῶν πρὸς τοὺς ὑπηκόους μετρίοις οὖσι διότι τοῦτο οὐκ ὀνειδίζεται
>
> Хотя в деловых тяжбах с союзниками мы в менее выгодном положении и даже в наших собственных судах признаем за ними полное равенство, несмотря на это, они жалуются, что мы сутяжничаем и придираемся. И никто из них не обращает внимания на то, что не встречают упреков другие, также имеющие владения где-нибудь на чужбине, хотя и управляют подвластными им более жестко, чем мы. Ведь тому, кто склонен применять грубую силу, нет нужды в судах (Thuc. I 77, 1–2).

Таким образом, по словам афинского посольства, афиняне предпочли обратиться к суду и к закону, а не прибегать к насилию, чтобы управлять империей. Между прочим, мы видим, что союзники характеризуются афинянами как ὑπήκοοι (подвластные / подчиненные).

В общественном мнении афиняне позаботились о том, чтобы представить свое господство как умеренное. Однако тон Старого Олигарха в его «Афинской политии» иной. Описывая жалкие условия союзников, которые вынуждены были обращаться с просьбой к афинским присяжным, когда их доставили на суд в Афины, он замечает:

> διὰ τοῦτο οὖν οἱ σύμμαχοι δοῦλοι τοῦ δήμου τῶν Ἀθηναίων καθεστᾶσι μᾶλλον
>
> Вот поэтому-то союзники еще в большей степени стали рабами народа афинского (Ps.-Xen. Const. Athen. II 19).

Иными словами, он прямо описывает положение союзников как зависимое (δουλεία). Возникает вопрос, что́ было допустимо говорить об империи в самих Афинах того времени. Хотя такая форма доверительности характеризует свободу слова, которая к тому времени превалировала в Афинах, а также софистическую манеру, заключающуюся в том, чтобы без всяких запретов приукрашивать логику фактической стороны дела, все же заслуживает внимания, что, по-видимому, не было ограничений, которые сдерживали бы афинян в определении зависимости их союзников. Это означает, если верить Старому Олигарху, что в Афинах афинские «союзники» могли открыто называться рабами если не в официальном дискурсе, то по крайней мере в обычном разговоре. Это означает, что следствием зависимости союзников было то, что они неизбежно принуждены были терпеть положение, при котором они характеризовались как рабы. Таким образом, их заставили молчать, и слова афинян устанавливали отношения неравенства между ними и их «господами».

Кроме того, понятно, что афинские лидеры мечтали сделать Афины центром Эллады. Эта цель была выражена Периклом. Согласно Фукидиду, в своей речи зимой 431 / 430 г. до н. э. в честь павших в первый год Пелопоннесской войны Перикл мог похвастаться тем, что Афины стали образцом для всей Эллады: ξυνελών τε λέγω τήν τε πᾶσαν πόλιν τῆς Ἑλλάδος παίδευσιν εἶναι «Одним словом, я утверждаю, что город наш — школа всей Эллады» (Thuc. II 41, 1).

Под предводительством Перикла, а также его преемников на этом посту, афиняне наметили честолюбивую стратегию по совершенствованию архитектурного облика их города, что удостоило бы его звания центра Эллады. Например, на 2000 талантов из союзного резерва в период между 447 и 432 гг. до н. э. на Акрополе был построен Парфенон — один из самых амбициозных и красивых греческих храмов. Пелопоннесская война не остановила этот и другие претенциозные строительные проекты на Акрополе, которые продолжались вплоть до 405 г. до н. э. и окончательного разгрома афинян пелопоннесцами. Очевидной целью этих проектов было сделать Афины центром империи и, таким образом, всего греческого мира. Легко представить, что такая политика была резко отвергнута в полисах союзников, когда они увидели, на что расходуются уплаченные ими налоги. Даже в самих Афинах такая стратегия по совершенствованию архитектурного облика города подверглась суровой критике со стороны политических оппонентов, как об этом свидетельствует Плутарх:

> καὶ δοκεῖ δεινὴν ὕβριν ἡ Ἑλλὰς ὑβρίζεσθαικαὶ τυραννεῖσθαι περιφανῶς, ὁρῶσα τοῖς εἰσφερομένοις ὑπ᾽ αὐτῆς ἀναγκαίως πρὸς τὸν πόλεμον ἡμᾶς τὴν πόλιν καταχρυσοῦντας καὶ καλλωπίζοντας ὥσπερ ἀλαζόνα γυναῖκα, περιαπτομένην λίθους πολυτελεῖς καὶ ἀγάλματα καὶ ναοὺς χιλιοταλάντους
>
> Эллины понимают, что они терпят страшное насилие и подвергаются открытой тираннии, видя, что на вносимые ими по принуждению деньги, предназначенные для войны, мы золотим и наряжаем город, точно женщину-щеголиху, обвешивая его дорогим мрамором, статуями богов и храмами, стоящими тысячи талантов (Plut. Per. XII 2)[3].

Впрочем, критика только подтверждает реальность и амбициозность этих замыслов.

Корысть и злоупотребления Афинской империи превосходно высмеял Аристофан, особенно в «Птицах» (поставлены в 414 г. до н. э.). И что стало также наиболее очевидным в десятилетия, последовавшие после 440-х годов до н. э., это притязания афинян на мировое господство, т. е. на господство, которое бы напрямую распространялось на весь греческий мир, а также позволило бы афинянам подчинить себе весь Средиземноморский мир. В 450-е годы до н. э. афиняне попытались вывести Египет и Кипр из-под власти Ахеменидской державы. Однако несмотря на жертвы, принесенные ими для этих целей, афиняне вынуждены были признать, что это им не под силу. Каллиев мир 449 г. до н. э. установил статус-кво между персами и греками. Но уже в 440-е годы до н. э. Афины выказали свой интерес к Великой Греции, основав панэллинскую колонию в Фуриях (Diod. XII 10–11; Plut. Per. XI 5–6). Это выходило далеко за пределы традиционной сферы интересов Афин. В 430-е годы до н. э. Афины начали проникать в регион Черного моря. В «Жизнеописании Перикла» (XX 1–2) Плутарх пишет, что Перикл возглавил морскую экспедицию в Понт, посетил несколько городов и даже оставил отряд солдат в Синопе. Эта экспедиция традиционно датируется 437/436 гг. до н. э., и нет причин

[3] Пер. С. И. Соболевского. — *Прим. переводчика*.

сомневаться в реальности этого предприятия. Датируемая 425/424 гг. до н. э. надпись *IG* I^3 71, 11, 126–170 содержит список городов Понта, которые должны были платить дань афинянам. Список этот, к сожалению, сохранился не полностью, но сами его размеры впечатляют. Даже в таком испорченном виде он доказывает без сомнения, что города не только Южного, но и Северного Причерноморья входили в регион Понта. Другие источники свидетельствуют, что афиняне включили в состав своей империи все Черное море целиком [Müller 2010, 243–246].

Однако амбиции афинян распространялись намного дальше, чем завоевания Черного моря или даже Великой Греции. Плутарх сообщает, что во время этого похода к Понту многие в Афинах вынашивали еще более амбиционные мечты:

> πολλοὺς δὲ καὶ Σικελίας ὁ δύσερως ἐκεῖνος ἤδη καὶ δύσποτμος ἔρως εἶχεν, ὃν ὕστερον ἐξέκαυσαν οἱ περὶ τὸν Ἀλκιβιάδην ῥήτορες. ἦν δὲ καὶ Τυρρηνία καὶ Καρχηδὼν ἐνίοις ὄνειρος οὐκ ἀπ᾽ ἐλπίδος διὰ τὸ μέγεθος τῆς ὑποκειμένης ἡγεμονίας καὶ τὴν εὕροιαν τῶν πραγμάτων
>
> Многие уже тогда были одержимы той роковой, злополучной страстью к Сицилии, которую впоследствии разожгли Алкивиад и ораторы, возглавлявшие его сторонников. Некоторым снилась даже Этрурия и Карфаген, и нельзя сказать, что на это не было надежды, ввиду обширности афинского государства и благоприятного течения дел (Plut. Per. XX 3)[4].

Действительно, в 427 г. до н. э. Афины предприняли первую экспедицию на Сицилию. В 416 г. до н. э. в Афинах начали осуждать планы завоевательного похода на Сицилию, Плутарх же в «Жизнеописании Алкивиада» (Plut. Alc. XVII 1) пишет, что эта идея витала в воздухе еще при жизни Перикла. Он также передает для нас исторический анекдот, который хорошо отражает настроение в Афинах того времени:

> καὶ Νικίας μὲν ὡς χαλεπὸν ἔργον ὂν τὰς Συρακούσας ἑλεῖν ἀπέτρεπε τὸν δῆμον, Ἀλκιβιάδης δὲ Καρχηδόνα καὶ Λιβύην ὀνειροπολῶν, ἐκ δὲ τούτων προσγενομένων Ἰταλίαν καὶ Πελοπόννησον ἤδη περιβαλλόμενος, ὀλίγου δεῖν ἐφόδια τοῦ πολέμου Σικελίαν ἐποιεῖτο. καὶ τοὺς μὲν νέους αὐτόθεν εἶχεν ἤδη ταῖς ἐλπίσιν ἐπηρμένους, τῶν δὲ πρεσβυτέρων ἠκροῶντο πολλὰ θαυμάσια περὶ τῆς στρατείας περαινόντων, ὥστε πολλοὺς ἐν ταῖς παλαίστραις καὶ τοῖς ἡμικυκλίοις καθέζεσθαι τῆς τε νήσου τὸ σχῆμα καὶ θέσιν Λιβύης καὶ Καρχηδόνος ὑπογράφοντας.
>
> В то время как Никий, считая взятие Сиракуз трудным делом, уговаривал народ отказаться от этого замысла, Алкивиад уже грезил Карфагеном и Африкой, за которыми должны были последовать Италия и Пелопоннес, а Сицилию расценивал всего лишь как приступ или путь к войне. Своими упованиями он быстро воодушевил и увлек молодых, старики рассказывали им о чудесах и диковинках, которые они увидят

[4] Пер. С. И. Соболевского. — *Прим. переводчика*.

в походе, и повсюду в палестрах и на полукружных скамьях во множестве собирались люди, чертили на песке карту острова, обозначали местоположение Африки и Карфагена (Plut. Alc. XVII 3)[5].

Это говорит о том, что в замыслы Афин входило установить господство не только над греками, но и над большинством негреческих городов Средиземноморья. Декрет из Элевсина, предположительно датируемый 435 г. до н. э., побуждает союзников предоставлять первины урожая в святилище двух богинь в Элевсине (I Eleus. 28a, 1. 14: ἀπάρχεσθαι δὲ καὶ τὸς χσυμμάχος κατὰ ταὐτά). Союзники должны были совершать это на равных условиях с афинянами, т. е. вносить $^{1}/_{600}$-ю часть урожая ячменя и $^{1}/_{1200}$-ю пшеницы (I Eleus. 28a, 1. 5–8). В декрете также говорится (стк. 24–43), что

κελευέτο δὲ καὶ *ho hi*εροφάντες καὶ [ὁ]
δαιδῦχος μυστερίοις ἀπάρχεσθαι τὸς *h*έλλενας τῦ καρπῦ κατὰ τὰ πάτρια καὶ τὲν μαντείαν τὲν ἐγ Δελφῦν· ἀναγράφσαντες δὲ ἐμ πινακίοι τὸ μέτρον τῦ καρπῦ τῦ τε παρὰ τῦν δεμάρχον κατὰ τὸ[ν δ]-[ε]μον *h*έκαστον καὶ τῦ παρὰ τῦν πόλεον κατὰ τὲν πόλιν *h*εκάστε[ν] [κ]αταθέντον ἔν τε τῦι Ἐλευσινίοι Ἐλευσῖνι καὶ ἐν τῦι βολεῦ[τ]ε-ρίοι· ἐπαγγέλλεν δὲ τὲν βολὲν καὶ τεῖσι ἄλλεσι πόλεσιν τε[σι *h*ε]-[λ]λενικεῖσιν ἁπάσεσι, *h*όποι ἂν δοκεῖ αὐτεῖ δυνατὸν ἔναι, λέγοντας μὲν κατὰ *h*ὰ Ἀθεναῖοι ἀπάρχονται καὶ οἱ χσύμμαχοι, ἐκέ[ν]ο[ι]-[ς] δὲ μὲ ἐπιτάττοντας, κελεύοντας δὲ ἀπάρχεσθαι, ἐὰν βόλονται, κατὰ τὰ πάτρια καὶ τὲν μαντείαν τὲν ἐγ Δελφῦν. παραδέχεσθαι δ-ὲ καὶ παρὰ τούτον τῦν πόλεον ἐάν τις ἀπάγει τὸς *h*ιεροποιὸς [κα]-τ[ὰ] τὰὐτά. θύεν δὲ ἀπὸ μὲν τῦ πελανῦ καθότι ἂν Εὐμολπίδαι ἐχσ[*h*ε]-[γῦ]νται, τρίττοιαν δὲ βόαρχον χρυσόκερον τοῖν Θεοῖν *h*εκατ[έρ]-[αι ἀ]πὸ τῦν κριθῦν καὶ τῦν πυρῦν καὶ τῦι Τριπτολέμοι καὶ τῦι Θε-δι καὶ τεῖι Θεᾶι καὶ τῦι Εὐβόλοι *h*ιερεῖον *h*εκάστοι τέλεον καὶ τεῖι Ἀθεναίαι βῦν χρυσόκερον· τὰς δὲ ἄλλας κριθὰς καὶ πυρὸς ἀπ-οδομένος τὸς *h*ιεροποιὸς μετὰ τεῖς βολεῖς ἀναθέματα ἀνατιθέναι τοῖν Θεοῖν, ποιεσαμένος *h*άττ᾽ ἂν τῦι δέμοι τῦι Ἀθεναίον δοκεῖ ‹…›

…иерофант и даидῦхос (25) должны призывать греков во время мистерий посвящать первины урожая, следуя обычаю предков и наставлениям Дельфийского оракула; и когда они написали на доске долю урожая, полученного от процессии, от каждого дема поочередно, и от городов, от каждого города поочередно, они должны поместить урожай в Элевсинском святилище и в булевтерии в Элевсине; (30) и буле объявит всем другим греческим городам, где они решат это возможным, и расскажут им о соглашении, по которому афиняне и союзники отдают первины урожая не по принуждению, но по убеждению в соответствии с обычаями предков и оракулом в Дельфах; и (35) жрецы примут зерно от этих городов, как если бы все города привнесли его; и они пожертвуют от жертвенного пирога, как велят Евмолпиды, и тройное жертвоприношение из ячменя и пшена под предводи-

[5] Пер. С. П. Маркиша. — *Прим. переводчика*.

> тельством быка с позолоченными рогами поднесут обеим богиням, и Триптолему, и богу, и богине, и Евбулу, — каждому по зрелой жертве, а (40) Афине — быка с позолоченными рогами; а жрецы вместе с буле распродадут остатки ячменя и пшена и исполнят посвящения двум богиням, выполняя все, что решит афинский народ...[6]

С религиозной точки зрения, как нам кажется, в этом замысле афинян можно выделить три концентрических круга: первый касается собственности Аттики, второй — городов союзников, а третий — всех других городов, которым предлагалось принять участие в передаче первин урожая. Что же касается распределения средств Элевсинского святилища, в декрете подчеркивается, что они должны оставаться в руках только афинского народа. Политическая стратегия построения государства и империи полностью совпали. Интересно, что афиняне продолжали проводить со своими союзниками и остальными городами Средиземноморья политику интеграции подобно той, которую они проводили ранее в отношении различных земель Аттики.

В то время, когда Афины стремились стать центром греческого мира, литература этого периода также приписывала этому полису исключительную роль в жизни греков. Нет нужды настаивать на роли, которую Эсхил отводит Афинам в «Персах», поставленных в 472 г. до н. э., когда Перикл исполнял обязанности chorēgos (хорега). Это Афины и их неназванный предводитель Фемистокл привели остальные греческие города к победе над неприятелем. Разумеется, это лишь театральная постановка, а не историческое сочинение. В атмосфере патриотизма, последовавшей вслед за великими победами во втором этапе греко-персидских войн, это не казалось удивительным. Кроме того, это не выдумка, все источники указывают на главенствующую роль афинян в победе греков над персами. Тем не менее акцентирование внимания на Афинах как на действительном лидере антиперсидской кампании отлично совпадает с расширением влияния Афинской архэ в этот исторический период.

Не менее удивителен тот факт, что в соответствии с аттическими трагедиями сюжеты легенд и мифологического прошлого Эллады должны были найти свое разрешение именно в Афинах. Это безусловно верно в отношении Эсхила. В «Просительницах» (поставлена в 463 г. до н. э.) дочери Даная находят прибежище в Аргосе, основанном некогда самим Данаем. Однако содержание трагедии настаивает на роли народа в предоставлении убежища просительницам. Аргос в трагедии становится образцом демократического полиса, таким же как Афины. В трилогии «Орестея» (458 г. до н. э.) рассказ начинается в Арголиде с убийства возвратившегося из Трои Агамемнона. В последней части этой трилогии «Эвмениды» действие заканчивается в Афинах, где Орест находит убежище в качестве просителя, после того как он убил свою мать и ее любовника Эгисфа. В конце трагедии Орест предстает перед судом Ареопага. Сама Афина принимает участие в голосовании, а Аполлон выступает свидетелем на стороне Ореста, будто он сам приказал Оресту убить мать, и тем самым очищает его от вины (ст. 576–581). Сама Афина (ст. 470–489) решает, что суд над Орестом будет происходить в Афинах:

[6] I Eleus. 28a, ll. 24–43 (https://www.atticinscriptions.com/inscription/IEleus/28a).

482 ἐπει δὲ πρᾶγμα δεῦρ᾽ ἀπέσκηψεν τόδε,
475 ὅμως ἀμόμφους ὄντας αἱροῦμαι πόλει
483 φόνων δικαστάς, ὁρκίων αἰδουμένους
θεσμόν, τὸν εἰς ἅπαντ᾽ ἐγὼ θήσω χρόνον.
485 ὑμεῖς δὲ μαρτύριά τε καὶ τεκμήρια
486 καλεῖσθ᾽ ἀρωγὰ τῆς δίκης ὀρθώματα·
487 κρίνασα δ᾽ ἀστῶν τῶν ἐμῶν τὰ βέλτατα
488 ἥξω διαιρεῖν τοῦτο πρᾶγμ᾽ ἐτητύμως,
489 ὅρκον περῶντας μηδὲν ἐκδίκοις φρεσίν.

Но поелику спор дошел до судьбища, / Навек отныне выборных присяжных суд / О тяжбах крови здесь да будет, я рекла. / Зовите очевидцев и свидетелей, / Уликой, клятвой испытуйте истину. / Из граждан града лучших изберу людей, / И к судоговорению я приду сама; / Они ж присяги не приступят, суд творя (Aesch. Eum. 482–489)[7].

В финальном приговоре благодаря Афине Орест провозглашается невиновным. Таким образом, он может провозгласить славу Афине и афинянам:

754 ὦ Παλλάς, ὦ σώσασα τοὺς ἐμοὺς δόμους,
755 γαίας πατρῴας ἐστερημένον σύ τοι
756 κατῴκισάς με· καί τις Ἑλλήνων ἐρεῖ
757 «Ἀργεῖος ἀνὴρ αὖθις, ἔν τε χρήμασιν
758 οἰκεῖ πατρῴοις, Παλλάδος καὶ Λοξίου
759 ἕκατι καὶ τοῦ πάντα κραίνοντος τρίτου
760 Σωτῆρος»· ὅς πατρῷον αἰδεσθεὶς μόρον
761 σῴζει με, μητρὸς τάσδε συνδίκους ὁρῶν.
762 ἐγὼ δὲ χώρᾳ τῇδε καὶ τῷ σῷ στρατῷ
763 τὸ λοιπὸν εἰς ἅπαντα πλειστήρη χρόνον
764 ὁρκωμοτήσας νῦν ἄπειμι πρὸς δόμους,
765 μή τοί τιν᾽ Ἄρη δεῦρο πρυμνήτην χθονὸς
766 ἐλθόντ᾽ ἐποίσειν εὖ κεκασμένον δορί.

Паллада, рода нашего спасение! / Отчизну я утратил: водворяешь ты / Меня в отцовском доме. Скажут эллины: / «Опять Орест — аргивец, отчих всех богатств / И прав наследник, милостью Палладиной, / И Локсия, и третьего, кто все вершит: / Уважил вышний трон отца Орестова, / Воззрел на общниц матери — и сына спас». / Но я не прежде тронусь в вожделенный путь, / Чем клятвой поклянуся нерушимою — / Стране твоей, богиня, другом быть навек. / Да будет в силе мой обет из рода в род, / И с копьеносным воинством аргивский вождь / Не выступит на град сей! (Aesch. Eum. 754–766)[8].

Акцент на Ареопаге и на Аргосе не является неожиданностью. Трагедия была создана сразу после реформы Эфиальта, которая четко определила роль Ареопага (теперь он отвечал за судебные разбирательства по убийствам). Кроме того, в 462/461 гг. до н. э. город заключил союз с Аргосом, что бросило вызов традиционному превосходству Спарты в греческом мире. Однако вне

[7] Пер. В. И. Иванова. — *Прим. переводчика*.
[8] Пер. В. И. Иванова. — *Прим. переводчика*.

политического контекста трагедия прежде всего устанавливает моральное превосходство афинян: у Спарты были войска, а у Афин — законы и суды[9].

В «Эдипе в Колоне», созданной Софоклом ок. 407/406 гг. до н. э., другой изгнанник — Эдип, оставив Фивы, находит прибежище в Афинах и получает покровительство Тесея:

631 τίς δῆτ᾽ ἂν ἀνδρὸς εὐμένειαν ἐκβάλοι
632 τοιοῦδ᾽, ὅτῳ πρῶτον μὲν ἡ δορύξενος
633 κοινὴ παρ᾽ ἡμῖν αἰέν ἐστιν ἑστία;
634 ἔπειτα δ᾽ ἱκέτης δαιμόνων ἀφιγμένος
635 γῇ τῇδε κἀμοὶ δασμὸν οὐ σμικρὸν τίνει.
636 ἀγὼ σέβας θεὶς οὔποτ᾽ ἐκβαλῶ χάριν
637 τὴν τοῦδε, χώρᾳ δ᾽ ἔμπολιν κατοικιῶ.
638 εἰ δ᾽ ἐνθάδ᾽ ἡδὺ τῷ ξένῳ μίμνειν. σέ νιν
639 τάξω φυλάσσειν, εἴτ᾽ ἐμοῦ στείχειν μέτα.
640 τί δ᾽ ἡδὺ τούτων, Οἰδίπους, δίδωμί σοι
641 κρίναντι χρῆσθαι· τῇδε γὰρ ξυνοίσομαι.

Как я дерзну твою отринуть дружбу, / Когда незыблем в нашем доме общий / Очаг стоит куначества залог? / Когда, проситель Евменид почтенный, / Земле несешь ты дар благой и мне? / Все это свято нам; твою приемлю / Я благодать: Живи в стране моей. / Приятно здесь тебе остаться — старцам / Твою охрану поручу; а нет — / Иди со мной. Сам выбирай, что лучше; / Твой выбор будет и моим, Эдип (Soph. OC 631–641)[10].

Это соответствует традиционному отношению афинян — уважению к просителям и правовой защите чужестранцев. Однако сам Эдип (или, скорее, место его захоронения) стал предметом спора. Древний оракул предсказал, что его могила будет пользоваться защитой богов — покровителей тех мест[11]. Вот почему Креонт прибывает из Фив на встречу с Эдипом в притворном сочувствии ему и его детям и просит вернуться назад в Фивы. Но Эдип не поддается на лживые уверения Креонта и отказывается вернуться. Тогда Креонт пытается увести силой в Фивы Исмену и самого Эдипа, но тот предупрежден об этом афинским народом. Затем Полиник, один из сыновей Эдипа, пытается убедить Эдипа поддержать его в борьбе против Этеокла, что Эдип категорически отвергает. Вскоре Эдип умирает. В соответствии с древним предсказанием, место его захоронения становится оберегом для афинян. Это еще один триумф Афин. Таким образом, Фивы, ярый соперник Афин в Пелопоннесской войне, лишаются покровительства богов[12].

[9] Подробнее см.: [Tzanetou 2012: 31–72].

[10] Пер. Ф. Ф. Зелинского. — *Прим. переводчика*.

[11] О важности тела героя и о культе героя в «Эдипе в Колоне» см.: [Van Nortwick 2012; Currie 2012: 337–344].

[12] Об этой трагедии и ее месте в развитии афинской идеологии см.: [Tzanetou 2012: 105–128], где автор видит в изначальном колебании хора, приветствовать Эдипа или нет, симптом эволюции афинского кризиса этого периода (однако Тесей принимает свое решение сразу). См.: [Harris 2012: 295–299] об исключительном уважении закона со стороны Тесея.

Сюжеты Еврипида, может быть, более неоднозначны, но и они могут содержать явный проафинский намек. В «Медее» (431 г. до н. э.) царица-убийца обманывает афинского царя Эгея. Она обещает ему, что сможет вылечить его бесплодие с помощью снадобий при условии, что он предоставит ей право остаться в Афинах. «Просительницы» Еврипида (423 г. до н. э.) представляют Тесея и афинское войско, вынуждающее фиванцев отступить и захоронить аргивян, погибших в битве Семерых против Фив, чтобы поддержать Полиника. Это типичная патриотическая трагедия, поставленная вскоре после жестокого поражения афинян со стороны фиванцев у Делия в 424 г. до н. э. Последнее вовсе не означает, что Афины в «Просительницах» представляют собой реальный город Афины. Однако придумывая воображаемый город, который воплощает в себе общий для всех греческих полисов идеал свободы, Еврипид помещает его также в центре греческого мира, и это призвано показать его превосходство по отношению к другим полисам. Сцена не отражает жизнь города; она трансформирует ее с помощью перформативного измерения[13]. В «Орестее» (408 г. до н. э.) Аполлон также сопровождает Ореста в Афины и помогает предстать перед судом Ареопага. Другие трагедии, такие как «Ифигения в Тавриде» (ок. 414–412 гг. до н. э.), также содержат сюжеты, которые связывают историю Афин с их империей[14].

Таким образом, очевидно, что афинские драматурги от Эсхила до Еврипида создавали образ идеальных Афин. Это моральное превосходство можно наблюдать в обращении с просителями, как хорошо показано в исследовании Ангелики Тзанету. Стоит отметить, что в реальном мире, по меньшей мере в последней декаде V в. до н. э., афиняне практиковали систему переноса из городов союзников в афинские суды основных судебных дел, вроде смертных приговоров, изгнания или лишения гражданства[15]. Так, пятая речь Антифонта Афинского («Об убийстве Герода»), сочиненная, вероятно, между 417 и 414 гг. до н. э., затрагивает дело уроженца Митилены Евксифея, обвиненного в убийстве одного из своих сограждан, Герода. Евксифей заявляет, что невиновен, и жалуется на то, что его содержали в тюрьме в Афинах вплоть до дня судебного разбирательства, хотя он сам добровольно явился в суд (17). Тем не менее он решается восхвалять законодательство Афин, касающееся убийств (14):

> Καίτοι τούς γε νόμους οἳ κεῖνται περὶ τῶν τοιούτων, πάντας ἂν οἶμαι ὁμολογῆσαι κάλλιστα νόμων ἁπάντων κεῖσθαι καὶ ὁσιώτατα. ὑπάρχει μέν γε αὐτοῖς ἀρχαιοτάτοις εἶναι ἐν τῇ γῇ ταύτῃ, ἔπειτα τοὺς αὐτοὺς ἀεὶ περὶ τῶν αὐτῶν, ὅπερ μέγιστόν ἐστι σημεῖον νόμων καλῶς κειμένων· ὁ γὰρ χρόνος καὶ ἡ ἐμπειρία τὰ μὴ καλῶς ἔχοντα ἐκδιδάσκει τοὺς ἀνθρώπους
>
> Следует согласиться, полагаю я, что законы, которые занимаются подобными случаями, достойны наибольшего восхищения и [что они] самые справедливые из всех законов. Они не только отличаются тем, что они самые старейшие в этой стране, но они изменились

[13] См.: [Vinh 2007; Morwood 2012], где убедительно показано, что в «Просительницах» главной становится трансформация Тесея, который отказывается от узкого афиноцентризма, чтобы принять панэллинскую мораль.

[14] См. статью Б. М. Никольского в этом номере журнала.

[15] См.: [Meiggs 1972: 220–233].

> не больше преступлений, которые они судят; и это самый верный признак благих законов, поскольку время и опыт показали людям их превосходство.

Эта хвала Ареопагу напрямую вторит Эсхилу. Эта речь показывает, что (по крайней мере на словах) те, кто приезжали в Афины из других городов империи для защиты собственных дел в роли подсудимых или обвинителей, отмечали превосходство афинского судопроизводства — или, скорее, что они полагали, будто заявляют об этом в собственных интересах.

В заключение отметим, что, несмотря на очевидные различия, мы можем наблюдать преемственность между дискурсом историков или греческих надписей и трагедий V в. до н. э. в отношении империи. В трагедиях (исключая комедии Аристофана, где империя высмеивается, как, например, в «Птицах») речь впрямую не идет об Афинской архэ[16]. Однако Афины на сцене — великий преобразователь, который помогает свершиться правосудию. Это пространство равенства и умеренности, что соответствует определению, данному Периклом в надгробной речи, если верить Фукидиду. Напротив, для таких городов, как Фивы, характерны жестокость, беззаконие и даже убийство. Аттическая литература V в. до н. э. содержит сюжеты, вызывающие всеобщий интерес[17]. Однако аттическая литература воссоздает их, не только будучи заключенной в рамки демократических Афин, которые вполне узнаваемы с нашей перспективы, но и с точки зрения Афинской империи V в. до н. э., когда Афины стремились стать политическим, религиозным, культурным и интеллектуальным центром не только Эллады, но и всего средиземноморского мира своего времени.

Пер. с англ. ***Е. В. Илюшечкиной***

[16] В [DeLuca 2014: 96] показано, что цель Писфетера состоит в том, чтобы создать «самую универсальную империю всех времен»: «Объединяя Афины (или, по крайней мере, наиболее фундаментальную и универсальную черту Афин [т. е. *logos*] и птиц, “Птицы” создают не просто империю, но самую универсальную империю всех времен, самую универсальную империю из всех известных». Однако эту же самодовольную цель преследуют Афины в 414 г. до н. э., когда «Птицы» были представлены публике. О критической стороне Аристофана см.: «Читая “Всадников”, мы видели мнение Аристофана об афинской иррациональности как демократии. В “Ахарнянах” мы видели в афинской иррациональности полис. Рассматривая “Птиц”, мы видим, что афинская иррациональность — это сами Афины» [Nelson 2014: 73]. Как и в отношении «Птиц», следует подчеркнуть, что эта критика направлена против имперских Афин.

[17] См.: [Osborne 2012] по поводу Софокла.

Литература

Фукидид 1981 — *Фукидид.* История / Изд. подгот. Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. Л.: Наука, 1981.

Currie 2012 — *Currie B.* Sophocles and hero cult // A companion to Sophocles / Ed. by K. Ormand. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. P. 331–348.

DeLuca 2014 — *DeLuca K.* Aristophanes' Herodotean inquiry. The meaning of Athenian imperialism in the Birds // The political theory of Aristophanes. Explorations in poetic wisdom / Ed. by J. J. Mhire, B.-P. Frost. Albany, NY: SUNY Press, 2014. P. 161-182.

Harris 2012 — *Harris E.* Sophocles and Athenian law // A companion to Sophocles / Ed. by K. Ormand. Chichester; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. P. 287–300.

Meiggs 1972 — *Meiggs R.* The Athenian empire. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Morwood 2012 — *Morwood J.* Euripides' *Suppliant Women*, *Theseus* and Athenocentrism // Mnemosyne. Vol. 65. No. 4–5. 2012. P. 552–564.

Müller 2010 — *Müller C.* D'Olbia à Tanaïs: territoires et réseaux d'échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique. Bordeaux: Ausonius, 2010.

Nelson 2014 — *Nelson S.* Aristophanes and the *Polis* // The political theory of Aristophanes. Explorations in poetic wisdom / Ed. by J. J. Mhire, B.-P. Frost. Albany, NY: SUNY Press, 2014. P. 109–136.

Osborne 2012 — *Osborne R.* Sophocles and contemporary politics // A companion to Sophocles / Ed. by K. Ormand. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. P. 270–286.

Tzanetou 2012 — *Tzanetou A.* City of Suppliants: Tragedy and the Athenian empire. Austin: Univ. of Texas Press, 2012.

Van Nortwick 2012 — *Van Nortwick T.* Last things: *Oedipus at Colonus* and the end of tragedy // A companion to Sophocles / Ed. by K. Ormand. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2012. P. 141–154.

Vinh 2007 — *Vinh G.* Athènes dans les *Suppliantes* d'Euripide: de la cité historique aux cités dramatiques // Loxias. Vol. 18. 2007. URL: http://revel.unice.fr/loxias/index.html?id=1858.

The words of empire: The Athenian archē of the Fifth Century B.C.

Bresson, Alain
PhD
Professor,
Department of Classics, University of Chicago
1010 East 59th Street Chicago, IL 60637, USA
Tel.: 773-702-8514
E-mail: abresson@uchicago.edu

Abstract. The Athenian Empire was not only an empire of triremes and owls. It was also an empire of words. Beyond material forms of domination, Athenians developed a discourse that made of their city the center of the world of their time. If we are to believe Thucydides, Athenian political leaders presented their city as a model of self-restraint and moderation, thus asserting its moral superiority over the rest of the Greek world. Besides, from Aeschylus to Euripides, a series of tragedies makes of Athens the solution to the legal, religious or political challenges faced by various heroes of the common Greek mythology. The universalizing ambition of

this discourse has, in fact, a performative aspect. The ethical superiority of the Athenians justifies their political superiority. The success of this performative discourse can be traced in the speech of Antiphon *On the murder of Herodes*, where before the Athenian court the Mytilenian Euxitheos praises the laws of Athens with a tone that directly echoes the praise of the Areopagus in Aeschylus's *Suppliants*. The defendant had seemingly perfectly internalized the superiority of the Athenian courts — or rather he thought it was his best interest to proclaim he had.

Keywords: Athenian Empire, Areopagus, Aeschylus, Euripides, Aristophanes, Thucydides, Antiphon, Old Oligarch, courts, laws

References

Currie, B. (2012). Sophocles and hero cult. In K. Ormand (Ed.). *A companion to Sophocles*, 331–348. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell.

DeLuca, K. (2014). Aristophanes' Herodotean inquiry. The meaning of Athenian imperialism in the Birds. In J. J. Mhire, B.-P. Frost (Eds.). *The political theory of Aristophanes. explorations in poetic wisdom*, 161–182. Albany, NY: SUNY Press.

Harris, E. (2012). Sophocles and Athenian law. In K. Ormand (Ed.). *A companion to Sophocles*, 287–300. Chichester; Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Meiggs, R. (1972). *The Athenian empire*. Oxford: Clarendon Press.

Morwood, J. (2012). Euripides' *Suppliant Women*, *Theseus* and Athenocentrism. *Mnemosyne, 65*(4–5), 552–564.

Müller, C. (2010). *D'Olbia à Tanaïs: territoires et réseaux d'échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique*. Bordeaux: Ausonius. (In French).

Nelson, S. (2014). Aristophanes and the *Polis*. In J. J. Mhire, B.-P. Frost (Eds.). *The political theory of Aristophanes. Explorations in poetic wisdom*, 109–136. Albany, NY: SUNY Press.

Osborne, R. (2012). Sophocles and contemporary politics. In K. Ormand (Ed.). *A companion to Sophocles*, 270–286. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Stratanovskii, G. A., Neikhard, A. A., Borovskii, Ia. M. (Eds.) (1981). *Fukidid. Istoriia* [Trans. from Thucydides' *History*]. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Tzanetou, A. (2012). *City of Suppliants: Tragedy and the Athenian empire*. Austin: Univ. of Texas Press.

Van Nortwick, T. (2012). Last things: *Oedipus at Colonus* and the end of tragedy. In K. Ormand (Ed.). *A companion to Sophocles*, 141–154. Chichester, West Sussex; Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Vinh, G. (2007). Athènes dans les *Suppliantes* d'Euripide: de la cité historique aux cités dramatiques. *Loxias, 18*. Retrieved from http://revel.unice.fr/loxias/index.html?id=1858. (In French).

To cite this article:

Bresson, A. (2017). Govorit imperiia: Afinskaia arkhe v V v. do n. e. [The words of empire: The Athenian *archē* of the Fifth Century B.C.]. Trans. by E. V. Iliushechkina. *Shagi / Steps, 3*(4), 21–34. (In Russian).

Received August 2017